



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Терентий ГРАВИН

АЗАРТ

**Книга вторая
ИГРОК ПОНЕВОЛЕ**



**МОСКВА
2015**

УДК821.161.1-312.9
ББК84(2Рос=Рус)6-44
Г 75

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *Г. Дзямко*

Гравин, Терентий.

Г 75 Азарт. Книга вторая. Игрок поневоле : [фантастический роман] / Терентий Гравин. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-699-79015-9

Приключения отчаянного вояки Максима Ланфера в Осколках виртуальных миров продолжают. Обретя легендарное оружие, Максим просто обязан стать героем. Тем более когда рядом женщина его мечты. Но для выживания в Осколках мало умения владеть мечом — здесь требуются ум и смекалка. Поэтому Воина, Мага, Вора и Некроманта ждут новые сражения с чудовищами, сокровища покинутых городов, неожиданные открытия и, конечно же, главный бой — за сердце прекрасной дамы...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79015-9

© Гравин Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава 1

Козлы отпущения

Контуженный упавшим стволом, побитый женским телом и оглушённый бурей эмоций, я на какое-то время выпал из действительности. Естественно, что и воин из меня в тот момент оказался никакой. Я даже про Щит свой именной и легендарный забыл и понятия не имел, где он. То есть меня, в те минуты полной дезориентации, могли утыкать издали стрелами, словно ёжика иголками, или отправить к праотцам парочкой арбалетных болтов, а я бы и не заметил. И можно считать огромным везением, что у преследователей из оружия имелись только копья, мечи и ножи.

Правда копьём и ножом можно бросить далеко и эффективно, но в эпицентре событий все военные действия стал вести Александр Пятница. Отступая от реки и будучи уверенным, что её никто не перепрыгнет, парень не стал деликатничать, когда с того берега некий туземец вдруг пожелал показать свою удаль и не стал жалеть собственное копье. В кого он собирался метнуть своё оружие, осталось загадкой истории. Ибо получил болт в правое плечо и если не отбегался, то уж точно на долгое время «откидался». И в стане нашего гипотетического противника появился первый тяжелораненый вояка.

Пятница наловчился свой арбалет заряжать секунд за двадцать, поэтому, когда к берегу Багрянки подбе-

жали иные туземцы, дальнобойное оружие уже опять было готово к стрельбе. Да и сам стрелок отошёл подалее. А с пятидесяти метров дать себя ткнуть копьём или ножом — вообще следует быть крайне неповоротливым.

Моя бредущая и спотыкающаяся тушка ползла сугубо параллельно берегу и взбиралась постепенно на холм со стоячным биваком. Димон Чайрэвик спасённую нами даму уже давно ублажал возле костра разговорами и плевать хотел на разворачивающиеся внизу действия.

Так что в итоге сложные переговоры пришлось начинать и вести Александру. Для своих шестнадцати лет — он справился великолепно. Сказался опыт пребывания в данных мирах, ну и возросшая в последнее время уверенность в себе. Его басок звучал более чем уверенно, если не сказать грозно:

— А ну стоять! Кто ещё дёрнется что-то метать, выбью глаз вместе с мозгами!

Около полутора десятков невесть кого резко тормознуло, не желая остаться без глаза и не сомневаясь в меткости арбалетчика. Несколько человек склонилось над раненым, оказывая ему помощь. Через минуту проявился некий старший среди них по званию, который вышел почти на самый берег лавового потока и тоже стал давить глоткой:

— Кто вы такие? И почему оказываете содействие этой мерзкой, вонючей преступнице, приговорённой к казни?

— А кто она такая? И в чём состоит совершённое ею преступление? — не собирался уступать Пятница.

— Вы тоже становитесь преступниками и подлежите преследованию за её укрытие! — вопил с угрозой представитель противной стороны. — И кара неминуемо падёт на ваши головы!

— Ты бы меньше болтал всякие гадости, дядя! — Арбалет недвусмысленно отыскивал новую жертву для своего выстрела. — А отвечал на мои вопросы! Если мы по доброте своей душевной нечаянно помогли преступнице, то сейчас же её обратно к вам и перебросим. Только ты объяснись толком.

— Эта подлая сияда обманом втёрлась в окружение великого правителя Новой Византии. Затем ограбила его казну, а потом и убила благоверную супругу правителя. Также на её совести кровавое убийство главного казначея и десятка охранников, часть из которых она предательски отравила. Данную сияду будут разыскивать и преследовать за совершённые преступления, где бы она ни укрывалась и как бы ни пряталась.

Перечень грехов оказался достаточным для нескольких смертных казней. И я, к тому моменту слегка оживший, вернувший себе слух, даже прекратил движение. Замер на склоне холма и принялся протирать глаза, испачканные пылью, смешанной со слезами. Сам принять участие в занимательной беседе я не мог, зато слушал её с возрастающим вниманием.

— А что обозначает слово сияда? — решил пока уточнить переговорищик нашей стороны. И мне показалось, что ответ последовал после некоторой заминки:

— Это титул тех, кто получил высшее предназначение и обязан ублажать самого правителя, находясь в его свите!

— Ага, обязан, значит? — верно выделил нужное слово малой. — То есть её силой и без её согласия собирались отдать в гарем, для постельных утех вашего правителя?

— Данный титул — высшая привилегия и невероятная честь! Чтобы получить её — никого застав-

лять не надо. А эта сияда не оправдала выраженного ей высочайшего доверия, оказалась преступницей и предательницей!

— Может, и так! Но какие у тебя есть доказательства твоих слов?

— Чего?! Какие ещё могут быть доказательства в отряде для дальней облавы?

— Да самые элементарные, Ватсон! — пустился в снисходительные объяснения мой молодой земляк. — К примеру, пергамент того же правителя с его печатью и подписью, в котором он предписывает всем подданным выискивать обозначенную сияду. Или поисковое предписание с портретом обвиняемой, которое обязаны выдавать каждому десятнику. Может сгодиться и постановление судебного пристава или ордер прокурора на арест. Есть у тебя хоть что-то из перечисленных мною документов?

— Ах, ты, мерзкий молокосос! — разъярился переговорщик, без сомнений притворно. — Как ты смеешь сомневаться в моих словах?!

Сандер-Саша демонстративно оглянулся по сторонам и с угрозой спросил:

— А кого это ты только что обозвал?

Тип угрозе не внял:

— Тебя! Тебя, презренный ублюдок!

Кажется, он в своей ненависти и злости уже не притворялся. Но в любом случае поступил глупо и недальновидно. Отряд, хоть и немаленький по всем понятиям, но всё-таки находился в пустыне налегке, без запасов пищи и сколько-нибудь достаточных запасов воды. На наш берег через речку из жидкой лавы они перебраться не смогут при всём желании, им придётся спешно возвращаться к своему лагерю, к неким иным силам поддержки или хотя бы к ближайшему источнику с питьевой водой. И не следова-

ло забывать, что надо возвращаться в иной мир, который простирался за Багрянкой. А там ведь само небо ниспускало на песок знойный жар, убивающий неосторожных путников страшнее солнца. А у преследователей уже и так был на руках один раненый.

Был. Один. Потому что оскорбления в свой адрес Пятница прощать не собирался:

— В наказание за несдержанность и сквернословие лишаю тебя голени правой ноги! — озвучил свой приговор и выстрелил. Куда метил, туда и попал, демонстрируя как свою меткость, так и весомость каждого сказанного собой слова.

Воин на той стороне рухнул на песок, обагрив его кровью и разразившись проклятиями общего характера. Несмотря на дикую боль в пробитой голени и общее своё незавидное положение, ругать конкретно представителя нашей стороны он не осмелился.

Остальные повели себя не в пример своему старшему сдержанно и обдуманно. Никто не бросился к берегу, заноса копьё для броска, никто не выхватил нож, собираясь его метнуть с такого внушительного расстояния. Да и к раненому никто не спешил, несмотря на то, что арбалетчик опять секунд двадцать потерял на перезарядку своего оружия. Скорей всего, они оказались невероятно расстроены: возвращаться далеко, а тут ещё и второе тело нести придётся.

Александра подобные терзания неизвестных воинов нисколько не смущали. Вначале он разрешил:

— Помогите ему с перевязкой! Не то кровью истечёт! — Потом поинтересовался: — Может, кто-то ещё мне про эту сияду расскажет? Как её звать, откуда она родом?

Но то ли остальные ничего по этой теме не знали, то ли попросту опасались продемонстрировать ини-

циативу. А может, и права не имели при ещё живом командире брать на себя его права и обязанности.

Ну и Пятница не стал больше вести душещипательные беседы, подхватил валяющееся на нашем берегу сомбреро, обронённое спасённой нами женщиной, да и подался в мою сторону. Я к тому времени окончательно оклемался, пришёл в себя и вновь обрёл утраченные чувства и рефлексы. И хоть как мне ни хотелось броситься быстрее в расположение нашего лагеря, где подлый Димон продолжал охмурять идеальную женщину моей мечты, подумал первоначально о личном оружии. Щит и мой зазубренный меч так и продолжали валяться в том месте, где я их бросил впопыхах, руководя и организовывая спасательную акцию.

Конечно, никто не украдёт неподъёмное для посторонних оружие, но и оставлять его валяться где попало — негоже. Эти земли оказались полны неожиданностями, так что надёжная защита здесь не простой атрибут выживания, а самая насущная необходимость. Вот я и подался за ними, спускаясь с холма навстречу Пятнице. Когда мы сблизились, не удержался от вопроса, имея в виду подраненных:

— Не слишком ли ты с ними жёстко?

— В самый раз, командир. Тем более что о таких работягавцах я ещё в Дракуле наслушался крайнего негатива. Ну и прекрасно знаю, кто такая сияда. Это, в самом деле, самый мелкий дворянский титул в Новой Византии. Но в то же время именно их ещё в раннем детстве в одном из храмов посвящают, а потом долго обучают для постельных утех высшей знати. Скорей всего, что и самого правителя. Вот только ей не полагается беременеть, потому что после рождения ребёнка элитную даму сразу же убивают.

— И откуда ты всё знаешь? — не смог скрыть я своего удивления. — В таком-то возрасте?

— Ну это просто: у нас, молодых да юных, отличная память и прекрасный слух.

— Точно! Мы ведь с тобой почти ровесники! — хмыкнул я и мотнул головой в сторону нашего бивака. — Ладно, беги к костру и присмотри там за моей женщиной. А то я этому Чайревику что-то не доверяю.

— Ха! А когда это она успела стать твоей? — стал хидничать мелкий. — И знает ли она об этом?

— Когда, когда... После того плотного соприкосновения, когда она на меня упала! — постарался я развеять любые сомнения по этому поводу у своего боевого товарища. — Для меня — это словно признание в любви, после которого я просто обязан на этой девушке жениться. И не смотри на меня с такой завистью, она для тебя слишком стара, мы тебе обязательно девочку молоденькую отыщем.

Ничего больше не говоря, Александр поспешил наверх, мотая иногда головой и громко хмыкая. По его эмоциям легко было догадаться, о чём он думал: «А тебе, Максим-Адриано Сергеевич, не в падлу будет в свои-то сорок с хвостиком на такую молодку губу раскатывать? Если она для меня стара, потому что года на два старше, то ты по сравнению с ней — вообще пень трухлявый!.. Хоть и выглядишь молодо...»

Ну что я мог на это ответить?.. Только одно: «Не в падлу!» И видит бог, каких моральных усилий мне в тот момент стоило не рядом с незнакомкой находиться, а тащиться на берег реки за своим оружием. Хорошо хоть при этом в итоге нашёл на ком странную злость сорвать и раздражительность.

Оказывается, у работорговцев, к которым я уже малейшего доверия или уважения не испытывал, ещё один герой выискался. А может, ему подраненный командир чего-то такого нашептал, увидев, что я один, безоружный, пыльный и скособоченный хромаю к берегу. От группы с ранеными, которых перенесли к ближайшему бархану, отделился шустрый вояка и помчался к берегу, как раз напротив того места, где стоял мой воткнутый в песок щит, а рядом тоже воткнутый меч, похожий на двустороннюю пилу. Добежав, он не стал сразу кидать своё копьё, а дождался моего подхода и решил поглумиться:

— Хочешь умереть сразу, или пожелаешь всё-таки прикрыться щитом?

Двадцать метров, нас разделяющие, похоже, заставили хвастунишку не просто поверить в свои возможности, а даже переоценить их. Ну и я оказался не против ему подыграть:

— Пожелаю прикрыться щитом! Можно?

— Давай! — дождавшись, пока я присяду за стальной преградой, приподняв над ней только лоб и глаза, он шумно фыркнул, с трёх шагов разогнался и сопроводил свой мощнейший бросок злорадным восклицанием: — Получи!

Только тогда я понял, что сам копейщик непрост, а уж его копьё — и подавно. Расчёт у врага был только один: пробить насквозь и мой щит, и меня, а потом ещё и утопить в жидкой магме. В этом невозможном, как, казалось бы, варианте событий меня убедил тонкий белый шнур, закреплённый на тыльном кончике древка и лихо разматывающийся из специального наплечника у воина. Бросок оказался великолепен! Он смело мог служить учебным пособием для любого, даже самого опытного и прославленного метателя.

Будь у меня защита обычная, а не часть рыцарского облачения самого бога Тариса, быть мне припиленным насквозь, словно бабочка булавкой. А так копьё, громко зазвенев, кувыркнулось у меня над головой и упало метров в пяти за моей спиной. Вот тогда белый шнурок я и сумел рассмотреть отчётливо. Он уже натягивался, готовясь рывком выдернуть опасное оружие обратно на противоположный берег Багрянки.

Но и я парень ловкий, хоть куда. Потому успел опрокинуть свой меч непосредственно на шнурок, создавая с помощью стоящего Щита заклиненную систему «Клещи». И как противник не изгалялся, пытаясь рывками выдернуть своё оружие, у него ничего не получалось. И как бы он умудрился сотворить такой подвиг? Если посторонние лица, оба предмета легендарного и именного оружия, принадлежащего мне, даже приподнять не могут?

Не мешкая, я выскочил из-за щита и тоже решил потягаться силой. Благо разумно не касаясь открытой ладонью, я прыгнул на натянутый струной шнур всем телом. Ведь в прочности доставшейся мне от мага одежды, в её уникальных возможностях и прочих положительных качествах — уже успел убедиться. И моя победа стала неоспоримой в этом поединке: метатель копья так дёрнулся вперёд, что пропахал носом землю и наверняка влетел прямо в магму, если бы не сделал сброс своего, тянущего к смерти шнура. Что интересно, сама беленькая и тоненькая на вид верёвочка, упавши в раскалённую реку, только заискрилась, но не сгорела! А после моего удара по ней ногой вообще невредимой вылетела на наш берег.

Зато с руганью и проклятиями вскочил на ноги работоровец. Выхватил вполне солидный «режик» и попытался метнуть его в меня, такого невинного

и мирного. Только вот моя склонность к пацифизму окончилась несколько раньше. Потому что я успел бросить свою тройную звезду раньше его. А так как практиковался я с трёздами довольно часто, то и результат оказался очевидным (для меня, естественно!): длинный луч родственницы сюррикена пронзил нехорошему дядьке нос и наверняка достал до мозга. Как-то нелепо взмахнув руками, тип попятился, попятился... да и упал на спину.

А я пожалел: у меня подобной связи со своим оружием не было. Сейчас бы сделал рывок, и трезда вернулась ко мне как бумеранг. Стою, вздыхаю... Оставшиеся на ногах тринадцать работорговцев тоже стоят. Пялятся. Может, задумали чего плохого? Вон, даже раненые уселись и тоже смотрят на меня. Понимаю, почему раньше этот копыеносец не решился рискнуть: наш юный арбалетчик сбил бы его болтом ещё быстрее, чем он сделал замах для броска. А тут я такой весь... без ничего. Только щит и меч, ну совершенно с виду не эпические.

Вряд ли кто ещё рискнёт меня атаковать. Но я человек вежливый, поспрашивать не постесняюсь:

— Ну что, уроды, чанга бригаасса, етить вашу халу-пу! Есть ещё желающие оспорить мои права на сияду? — Уроды, может, и поняли суть конголезийского проклятия, но делали такие лица, словно я не к ним обращаюсь. Мол, нет нас здесь. — Ну и ладушки. На нет — и судью в винегрет. Ха-ха! Тогда я сам выслушаю её оправдания и решу её дальнейшую судьбу. И если она соврёт или проговорится о подлинности предъявленных ей обвинений, я переброшу вам её обратно. Так что можете отдохнуть и подождать парочку часов. Ага, чуть не забыл! Верните похорошему моё оружие, которое торчит из носа вон того дохлого придурка. И поживей, я очень спешу!

Те же позы, то же самое молчание. Ну, разве что заинтересованность появилась на лицах, словно говорившая: «По-хорошему? А как будет по-плохому? И будет ли?»

Не люблю я таких противных типов. Потому и решил попутать. Ничем больше словесно не угрожая, просто нагнулся и поднял копьё умершего противника. Коснулся для пробы пальцами шнурка, потом попробовал всей ладошкой. Не искрит, не кусается, значит, либо магия кончилась, либо за нового хозяина признал. Намотал кончик суперпрочной бечевы на левую руку, в правой взвесил копьё в руке, уловил баланс и лихо, с места, рванул по своему берегу ближе к врагам. Да только не успел бросить. Хоть и плохие они дядьки, но, поняв мои намерения, быстро похватили раненых за руки, за ноги, да и унесли за бархан.

Вот и оказалась моя угроза напрасной. Оставалось только в бессилии помахать вслед неприятелю копьём да потрясти кулаком. На ругань я размениваться не стал, не приличествует. Зато вспомнил, кто и как долго меня ждёт в нашем лагере, и у меня словно шило взыграло в одном месте. Больше ждать встречи с возжеленной во снах красоткой у меня сил не осталось. Посему, подхватив своё оружие и не забыв трофейное, целеустремлённо отправился к биваку.

Глава 2

Роня честь, достоинство и гордость...

Наверху меня встретили три разных по значимости и по эмоциям взгляда. Один — насмешливо-выжидательный; второй — откровенно враждебный,